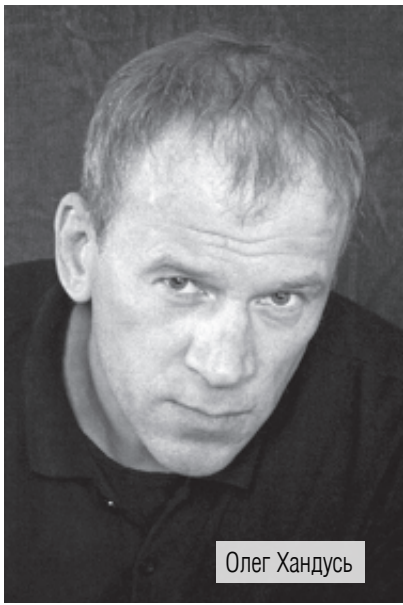

Военная проза

С войны живыми не возвращаются

Красной нитью через творчество Олега Хандуся проходит тема афганской войны

Олег Хандусь

✎ Олег Хандусь

СЫНОК

В ленинской комнате было тепло и светло, а главное, сухо, не то что за окнами казармы. Он сидел за самым последним столом и писал письмо другу. Перед ним лежал номер «Правды» трёхдневной давности, а сверху лист с первой и пока единственной строчкой. Обычным приветствием своему тёзке – тоже Сергею. Ему сейчас не хотелось писать другу письмо, а хотелось писать Марине, но он не знал её адреса. Он не записал её адрес. Когда можно было его записать, он ещё не любил Марину, да и теперь не был уверен, любит он её или нет. Конечно, если бы полюбил, было бы проще... Что именно проще, Сергей тоже не знал, но другу писать не хотелось. Ему было лень, и он был счастлив, потому что его никто не трогал пока.

В праздники и выходные «старички» разбредались по казарме, валялись на кроватях, даже не разувааясь, и пороли всякую чушь. Пока им не надоедало. А «молодые» сидели в ленкомнате, делали вид, что читают уставы или газеты, с опаской прислушиваясь к гоготу «стариков». Сергей смотрел на передовицу «Правды» и не знал, как относиться к тому, что первый мартовский цех в его городе к октябрьским праздникам – 62-й годовщине – перевыполнил план. В городе, где он родился и вырос, всегда перевыполняли план, по крайней мере, так говорили. Сергей не знал, как к этому относиться. Ну

Российский писатель, журналист, военный прозаик Олег Хандусь родился и вырос в Магнитогорске. После окончания школы поступил в Магнитогорский горно-металлургический институт, в 1978 году был призван в армию. Служил в Германии, с 1979 года – в Афганистане. Был заместителем командира взвода, участвовал в боевых операциях, демобилизовался в звании сержанта. После демобилизации устроился работать электросварщиком в листопрокатный цех Магнитогорского металлургического комбината. В 1984 году начал журналистскую деятельность в газете «Магнитогорский рабочий». Там же был опубликован рассказ «На марше», посвященный событиям афганской войны. С 1987 по 1988 год Олег Хандусь работал корреспондентом газеты «Магнитогорский металл». В 1988 он поступил на отделение прозы Литературного института имени Максима Горького. Вернувшись в Магнитогорск, вёл литературный семинар в лицее РАН, преподавал в МГПИ, работал в управлении образования администрации Магнитогорска. В 1996 году Олег Хандусь принят в Союз российских писателей.

не стыдиться же этого, думал он.

Вот уж месяц, как Сергей в армии, а служил он в Германии. Ему нравилась эта страна, нравились люди и аккуратные домики с черепичными крышами, ровно остриженные кустарники и газоны, мощённые бульжником мостовые... Хотелось знать: неужели и здесь перевыполняется план?.. Сергей смотрел в запотевшие окна ленкомнаты и пытался увидеть – что там, за высоченным кирпичным забором? Он испытывал что-то вроде тоски... Да, он жалел, что родился не здесь.

Впервые это случилось, как только он вышел за КПП, и потом, когда шагал по городку с красной повязкой на левой руке и штык-ножом на ремне. Он смотрел на аккуратные домики с черепичными крышами, на розы – алые, чёрные, за невысокой оградой, на ратушу и костёл; почти всегда он проходил мимо запущенного пруда с позеленелой пресной водой, объятаго ветвями старых деревьев, то ли вот лип, а может быть, вязы. Он шёл, и смотрел, и жалел, что не пришлось родиться на этой земле... Что не пришлось здесь родиться Маринке, тогда бы они смогли тут гулять, здесь могли бы гулять и их дети...

Последнее время часто удавалось бывать в городке – его определили посылным. Если нужно было вызвать из дома кого-то из офицеров, ему выдавали специальный жетон и указывали маршрут. Чаще всего это случалось по вечерам. Сергей видел, как жили в городке офицеры и прапорщики, и ему не нравилось то, как они жили. На их месте он бы жил совсем по-другому.

Писать рассказы Хандусь начал ещё до армии, после демобилизации тема войны в Афганистане стала главной в его творчестве. Первый военный очерк «Он был мой лучший друг» был переиздан на болгарском и итальянском языках. Говорят, Олег Хандусь не любил мягкий знак в своей фамилии, считал его досадным недоразумением, случайно возникшим в предыдущих поколениях. Поэтому свои произведения иногда подписывал творческим псевдонимом Хандус.

Своё отношение к теме войны бывший афганец выразил кратко: «Меня убили в Афганистане, в 1980 году, – вот в чём беда. И ещё много раз потом убивали, не оставляя ни малейшего шанса на возвращение. Меня убили в Афганистане – я потом это понял. С войны живыми не возвращаются!»

Одним из главных произведений Хандуся мог бы стать роман «Пацифистский крест», над которым писатель работал в последние месяцы. Закончить его помешала смерть.

Военный писатель, считал Хандусь, это не столько профессия, сколько образ жизни. И не всем под силу пронести этот крест с достоинством.

Перед праздником его отправил сам командир. Сергей был в наряде и уже заканчивал мыть полы в оружейке, оставалось убрать лишь в туалете. Но его вызвал к себе командир и сказал: «Ну что, начальник скоростей?..» Ещё называл он его длинноногим, ну а всех вместе – сынки. Командир говорил так, когда стоял перед строем до и после учений. И никто не обижался за это, даже «старички» улыбались, потому что он был всех старше. Он кому угодно годился в отцы.

Сергей вошёл в кабинет, отдал честь и попытался не выставлять напоказ свои мокрые рукава и руки, которые пахли хозяйственным мылом, хотя подворотничок он успел застегнуть... Стало неловко за грязные, отвисшие на коленях штаны, когда командир посмотрел на него и, казалось, поморщился.

– Ну что, начальник скоростей?.. Что молчишь, язык проглотил? – сказал он. Он улыбался.

– Никак нет, товарищ подполковник! Не проглотил, – ответил Сергей, покраснев. Ему стало стыдно. Вспомнились две сигареты с фильтром, которые он стянул из пачки, когда в последний раз был в наряде и прибирал в кабинете у командира.

– Дома-то как, не скучаешь по дому?

– Никак нет! Времени нет, товарищ подполковник.

– Ну а письма-то пишешь?

– Так точно, пишу!

– Мать не болеет?

– Нет.

– А отец?

– Тоже нет,

– Ну, молодцом! Съездишь домой, а пока бери жетон и дуй в город. Где Якушев живёт, знаешь?

– Так точно!

– Давай-ка мне Якушева, живого или мёртвого.

– Я в наряде, товарищ подполковник...

– Понял. Дежурного по роте ко мне, а сам давай дуй. Что стоишь?

– Есть, товарищ подполковник!

– Вот-вот.

Сергей шагал по вымощенным бульжником улочкам, придерживая рукою штык-нож и вдыхая гущу влажного воздуха. Трудно было понять в темноте: то ли моросил мелкий дождь, то ли это был просто туман. Сергей думал об отце. Он часто его вспоминал, гораздо чаще, чем мать. И теперь решил посчитать, сколько отцу будет лет, когда он вернётся из армии. Оказалось, что отец уже будет довольно старым. Стало вдруг жаль отца и совсем как-то грустно.

Позади послышался шелест шин. Сергей обернулся и отшагнул в сторону: его обогнал старый немец на велосипеде, буркнув презрительно «швайн». Сергей посмотрел на брюки свои, ощутив запах хозяйственного мыла, и понял, что этот немец, скорее всего, был нацистом. А когда сгорбленная спина уже маячила впереди, он подумал, что этому немцу, наверное, нелегко ездить на велосипеде, однако он ездит... Немца вдруг отбросило влево, занесло на проезжую часть, он завалился и упал как раз там, где пронеслись машины... Сергей ускорил шаг, побежал.

Немец лежал на боку на мокром

бульжнике, пытался встать и не мог. Сергей подхватил его со спины, принялся поднимать; старый немец бормотал что-то. Это было очень похоже на ругань. Шляпа валялась в стороне. Сергей потянулся за нею и вежливо подал ворчливому старику, отвёл его от дороги. Затем подкатил велосипед, помог старому немцу усесться в седло. Тот уже не ругался, только сопел. И молча отъехал.

Сергей опять смотрел ему вслед и думал: у этого немца, наверно, есть тёплый дом, может быть даже – шикарная вилла; есть, наверно, и внуки, которых он иногда усаживает на колени... До дома офицерского состава оставалось всего два поворота, когда вдруг снова послышался шелест шин и велосипедный звонок. Старый немец догнал его и, сняв шляпу, сказал: «Данке шён» – и ещё что-то.

Сергею непременно хотелось, чтобы у немца на шляпе было перо. Потом, когда он рассказывал эту историю, то обязательно отмечал, что оно было, хотя ведь пера не было, это он точно помнил. Но это не важно. Главное – приятно вспоминать старого немца. Сергей вообще любил вспоминать, и он был счастлив, когда его оставляли в покое, но это случалось редко.

В ленкомнату вошёл сержант Мальцев, командир отделения. Он склонил набок голову и поморщился. Осмотрел сидящих, увидел Сергея и подошёл к нему. Сергей проверил, застегнут ли подворотничок. Мальцев стоял напротив, заложив руки за спину. Вновь склонил набок голову и опять поморщился: «Чо, сал-лабон! Сидишь балдеешь... Встать!» Сергей встал и втянул голову в плечи, сержант осмотрел его: подворотничок, пряжка, сапоги... «Получку получил? Деньги есть?..» – спросил он. Сергей покрутил головой. «Прор-рубал! Прожр-рал! – заорал Мальцев. – Бал-лдеешь сидишь! А в казарме бар-рдак! Бегом!»

Сергей вбежал в казарму: «старички» валялись на кроватях и ржали. Его кровать была взбита. Он бросился её поправлять и получил подзатыльник, а затем и резкий пинок... Те, кто возлежал на кроватях, ещё больше заржали.

Потом, когда он из последних сил отжимался от пола и сержант Мальцев, сидя на табурете, считал, а «старички» снова ржали, Сергею подумалось: наверно, так надо, чтобы стать хорошим солдатом... И уже после отбоя, когда он заснул, ему приснился вновь родной город, но только не центральными улицами и зелёными скверами, а почему-то захолустьем левого берега: серыми, покрытыми копотью двухэтажками, не снесёнными до сих пор бараками и сараями, – той своей частью, где Сергей и бывал-то всего раз или два.

Колонна советских войск в Афганистане, 1980 год